

Семёнов Александр Борисович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии и культурологии
Комсомольского-на-Амуре государственного
университета

**ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
КИТАЙСКОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ
ПРЕСТУПНОСТИ НА ДАЛЬНЕМ
ВОСТОКЕ РОССИИ НА РУБЕЖЕ
XX–XXI ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ
ХАБАРОВСКОГО КРАЯ):
ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ
РЕКОНСТРУКЦИИ [1]**

Аннотация:

Статья освещает историю формирования китайской организованной преступности на Дальнем Востоке России и историко-культурные корни данного феномена. Предпринята попытка показать, что организованная преступность является устоявшимся социальным институтом, выполняющим экономические функции. Перечислены порожденные организованной преступностью проблемы.

Ключевые слова:

Дальний Восток, китайцы, преступность, предпринимательство, насилие.

Semyonov Alexander Borisovich

PhD in History,
Assistant Professor,
Philosophy and Cultural Studies Department,
Komsomolsk-on-Amur State University

**THE HISTORY OF
THE CHINESE ORGANIZED
CRIME IN THE RUSSIAN
FAR EAST AT THE TURN OF
THE XXI CENTURY (CASE STUDY
OF KHABAROVSK TERRITORY):
HISTORICAL RECONSTRUCTION [1]**

Summary:

The article deals with the history of the Chinese organized crime in the Russian Far East and the historical and cultural roots of this phenomenon. It is shown that organized crime is an entrenched social institution performing certain economic functions. The author discusses the problems caused by the organized crime.

Keywords:

Far East, Chinese, crime, business, violence.

Последние десятилетия в современной исторической научной литературе и в обиходе стало широко использоваться слово «мафия». Термин стал синонимом такого многогранного и сложного понятия, как «организованная преступность». Мафия окружена ореолом романтики, мифами и загадками. О ней снимают фильмы, пишут художественные книги, поют песни. Вымышленные и даже реальные мафиози, главари криминальных синдикатов и их сподручные превращаются в героев массмедиа, а их популярность сопоставима с популярностью звезд шоу-бизнеса и известных политиков. Однако организованная преступность имеет четкие критерии и признаки социального института.

Энтони Гидденс под организованной преступностью понимает формы деятельности, которые имеют многие характеристики, присущие обычному бизнесу, но являются противозаконными [2, с. 208]. Организованная преступность превращается в социальный институт. Я.И. Гишинский указывает, что основными признаками организованной преступности как социального института являются: первое – длительность существования, второе – регулярность (постоянство) функционирования, третье – выполнение определенных социальных функций (обеспечение заинтересованных групп населения товарами и услугами, предоставление рабочих мест, перераспределение средств и др.), четвертое – наличие комплекса норм (правил поведения), «профессионального» языка (сленга), вполне определенных ролей [3, с. 209].

Сложилось так, что в отдельных странах и регионах организованная преступность формировалась в зависимости от конкретных социально-экономических и культурно-исторических условий. Науке известна итальянская коза ностра, японская якудза, китайская «триада» и др.

Однако сегодня организованная преступность вышла за пределы этногосударственных границ и превратилась в глобальное интернациональное явление, проникшее в самую структуру социальной системы, прежде всего в экономику и даже в политику. Влияние организованной преступности можно наблюдать во всех регионах, не стал исключением и Хабаровский край. С момента распада СССР Дальневосточный регион превратился в арену для деятельности организованных преступных групп, сформированных как по этническим, так и по интернациональным признакам.

Заметим, что деятельность этнической преступности, в особенности китайской организованной преступности на Дальнем Востоке и в Хабаровском крае в частности, представляет особый теоретический и практический исследовательский интерес.

Корни «триад» (китайской организованной преступности) уходят в седую древность. Большое влияние на структуру китайской организованной преступности оказали традиционные социальные институты. В.В. Малявин пишет, что своеобразие тайных обществ как социального института заключалось в том, что они представляли некий альтернативный порядок, который одновременно противостоял существующему строю и копировал его. Тайные общества были сугубо локальными организациями и состояли из множества самостоятельных общин. Члены общества давали клятву быть братьями (то есть равными) друг другу. Однако видимость равенства не мешала их руководителям учреждать в своих объединениях сложную иерархию и копировать уклад патриархальной семьи. Как правило, тайные общества жили за счет разного рода противоправной деятельности [4, с. 209]. Кроме этого, на структуру китайской этнической преступности влияет такой корпоративный институт, как система личных связей «гуанси» [5, с. 200–201].

Китайская этническая преступность на Дальнем Востоке России имеет свою историю. Уже на заре освоения Дальнего Востока на рубеже XIX–XX вв. российские власти столкнулись с таким неприятным для себя социальным криминальным феноменом, как «хунхузы» и «фанзы». Русский исследователь Дальнего Востока Владимир Арсеньев подробно описал данное явление. Он изучил социальный состав хунхузов, отметив, что они состояли из люмпенизированной деревенской бедноты, неимущей китайской челяди, изгнанной из сельской общины [6, с. 195]. По его наблюдениям хунхузы состояли из мелких разрозненных банд без строгой иерархии и взаимосвязи. Питательной средой для процветания хунхузов являлась не контролируемая властями китайская община, где царят круговая порука и укрывательство бандитов от русских властей [7, с. 196]. В.К. Арсеньев отметил, что законопослушные китайцы больше боялись хунхузов, чем российских властей, что приводило к укрывательству бандитов от русских.

После российских революционных событий начала XX в. проблема китайской организованной преступности на Дальнем Востоке надолго исчезает из поля зрения исследователей и правоохранительных органов. Это было связано с установлением тоталитарного режима в СССР, вследствие чего был установлен контроль над всеми сферами социальной жизни. В СССР проблема с китайскими мигрантами была решена радикальными методами – китайцев просто массово репатриировали на территорию Китая. Проблемы с китайскими организованными преступными группами на Дальнем Востоке после долгого перерыва появляются лишь в конце XX в. Начиная с 1991 г. Хабаровский край, как и весь регион, столкнулся с массовой этнической преступностью. Богатые природные ресурсы, приграничное состояние и социально-политический хаос 90-х гг. XX в. создали благоприятную почву для процветания организованных групп в регионе.

Одними из главных трудностей, с которыми сталкиваются исследователи феномена этнических преступных групп, являются геттоизация этнических сообществ и их крайняя степень закрытости. К сожалению, мы не можем предвидеть всю глубину и масштабы влияния китайских ОПГ на жизнь китайского сообщества на Дальнем Востоке. Но, что еще хуже, нам затруднительно увидеть степень интеграции китайских преступных сообществ в отечественную криминальную среду.

Используя историко-сравнительный метод, методы аналогии и наблюдения, мы смогли реконструировать структуру, изучить генезис китайской организованной преступности в Хабаровском крае и сферы их экономической деятельности. На рубеже тысячелетий китайская организованная преступность в Хабаровском крае занималась традиционными видами деятельности: контрабанда, рэкет и вымогательства, убийства, торговля людьми и биоресурсами.

В 2004 г. суд приговорил к длительному сроку заключения троих граждан КНР, похитивших трехлетнего сына китайского бизнесмена, жившего в Хабаровске. Похитители предполагали получить от родителей ребенка выкуп в размере 300 тыс. долл. [8, с. 204]. Для Хабаровского края, как и для всего Дальнего Востока, обычным явлением стало образование иерархически построенных криминальных сообществ, возглавляемых уголовными лидерами. В 90-х гг. XX в. на территории Дальнего Востока действовал китайский бандит Лао Да. Он несколько раз образовывал банды численностью от 10 до 15 человек. Пресса сообщала, что Лао Да был связан с дальневосточными ворами в законе. Его видели на похоронах известного преступного авторитета Евгения Васина по кличке Джем [9, с. 204–205]. В 2016 г. в Комсомольске-на-Амуре был задержан гражданин КНР, организовавший преступное сообщество, промышленявшее грабежами своих соотечественников [10].

Мигранты из КНР организовывали незаконные предприятия по производству товаров и услуг широкого потребления. В начале XXI в. сотрудники правоохранительных органов Хабаровского края ежегодно закрывали десятки таких предприятий. Только за один мартовский день

2004 г. хабаровская милиция в рамках профилактической всероссийской операции «Нелегальный мигрант» закрыла два нелегальных предприятия, организованных гражданами КНР. В первом случае импровизированная китайская столовая располагалась в частном доме вблизи вещевого рынка «Выборгский». Там китайцы с нарушением всех санитарных норм изготавливали продукты питания, которые сбывали торговцам с рынка. Во втором случае милиция обнаружила подпольный цех по изготовлению так называемого «соевого мяса». Продукцией этого предприятия снабжались многие торговые предприятия краевого центра. Соевое мясо изготавливалось в антисанитарных условиях, что могло представлять опасность для здоровья конечного потребителя [11].

Пугающий размах на Дальнем Востоке принимает торговля людьми, как китайцами, так и гражданами Российской Федерации. В далеком 2004 г. тогда еще заместитель генерального прокурора Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе Ю. Чайка сообщал, что в Китае незаконно удерживается более 15 тыс. российских молодых женщин и детей, используемых хозяевами в качестве «секс-рабов» [12, с. 209]. Торговля людьми превратилась в интернациональный бизнес в Хабаровском крае. В 2005 г. прокуратура Железнодорожного района Хабаровска возбудила уголовное дело по фактам торговли людьми. По данным краевой прокуратуры, в качестве фигуранта по иску выступала хабаровская фирма «Медиа-Сервис». Расследование установило, что за 2 года своей деятельности компания вывезла в Китай и другие страны около 300 молодых хабаровчанок [13].

Китайские преступники освоили и совсем экзотические «сферы деятельности». В начале XX в. они развернули незаконную и варварскую по своим методам добычу лягушек и их дериватов. В пресс-службе Тихоокеанского пограничного управления ФСБ РФ сообщали, что ранней весной китайцы ставят сети в водоемах, где растаял лед, и выливают в них сильнодействующий яд, который убивает всю водную ихтиофауну [14].

Наблюдая за преступлениями китайских ОПГ, можно говорить о том, что на рубеже XX–XXI вв. они превратились в органичную часть теневой экономики Дальневосточного региона.

Ссылки и примечания:

1. Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Хабаровского края. Договор № 93/20016 о предоставлении гранта на проведение научных исследований в области гуманитарных и общественных наук в 2016 г.
2. Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 208.
3. Гилинский Я.И. Криминология. Курс лекций. СПб., 2002. С. 209.
4. Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2003. С. 209.
5. Семёнов А.Б. Китайское лицо России: опыт интеграции китайских мигрантов в российское общество : монография. Комсомольск-на-Амуре, 2016. С. 200–201.
6. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. М., 2004. С. 195.
7. Там же. С. 196.
8. См.: Семёнов А.Б. Указ соч. С. 204.
9. Там же. С. 204–205.
10. Преступник из КНР сколотил банду в Комсомольске-на-Амуре [Электронный ресурс]. 2016. 6 окт. URL: <http://www.dvnovosti.ru/komsomolsk/2016/10/06/56458/> (дата обращения: 16.10.2016).
11. Сосновская А. Китайцы на бобах // Приамурские Ведомости. 2004. 24 апр.
12. См.: Семёнов А.Б. Указ соч. С. 209.
13. Хабаровская фирма продавала секс-рабынь в Китай и на Ближний Восток [Электронный ресурс]. 2005. 25 янв. URL: <http://www.rusk.ru/newsdata.php?idar=415569> (дата обращения: 16.10.2016).
14. Климов Д. Китай – Россия: экологическая война за лягушек [Электронный ресурс]. 2003. 24 янв. URL: http://newsvote.bbc.co.uk/hi/russian/life/newsid_2690000/2690119.stm (дата обращения: 19.10.2006).

References:

- Arsenyev, VK 2004, *The Chinese in Ussuriland*, Moscow, p. 195, (in Russian).
Giddens, E 2005, *Sociology*, Moscow, p. 208, (in Russian).
Gilinskiy, YaI 2002, *Criminology. Course of lectures*, St. Petersburg, p. 209, (in Russian).
Klimov, D 2003, *China-Russia: environmental war of frogs*, viewed 19 October 2006, <http://newsvote.bbc.co.uk/hi/russian/life/newsid_2690000/2690119.stm>, (in Russian).
Malyavin, VV 2003, *Chinese civilization*, Moscow, p. 209, (in Russian).
Semyonov, AB 2016, *Chinese person in Russia: experience of Chinese migrants integration in Russian society: monograph*, Komsomolsk-on-Amur, pp. 200-201, (in Russian).
Sosnovskaya, A 2004, 'The Chinese on beans', *Priamurskiye Vedomosti*, April 24, (in Russian).